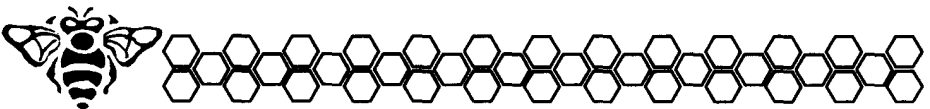


STUDIA PHILOLOGICA



Н. В. ПЕРЦОВ

ИНВАРИАНТЫ
В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ



ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 81.2Рус-2
П 26

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 00-06-87012



Перцов Н. В.

П 26 **Инварианты в русском словоизменении.** – М.: Языки русской культуры, 2001. – 280 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0200-1

В книге изложена теоретическая концепция описания русского словоизменения в рамках инвариантного подхода к языковым значениям. Под инвариантом многозначной языковой единицы автор понимает общее содержание, объединяющее разные ее значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах; это общее содержание осознается носителями языка. Теоретически обосновывается и иллюстрируется тезис об отсутствии в общем случае свойства обязательности у словоизменительного значения; предлагаются эвристические критерии разграничения словоизменения и словообразования, причем критерий обязательности грамматического значения выступает лишь как один из возможных (хотя и весьма весомый). Дается авторская трактовка системы русских словоизменительных значений, в число которых включены значения, обычно не относящиеся к словоизменению, — изолированные внекатегориальные словоизменительные значения (квазиграммемы). Для граммем числа существительного, глагольного времени и императива предлагаются формулировки инвариантов и демонстрируются связи между инвариантами и частными интерпретациями граммем.

ББК 81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0200-1



9 785785 902008 >

© Н. В. Перцов, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Введение	19
Глава I. ОБЩИЙ СТАТУС ИНВАРИАНТА ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ	22
1. Какие языковые феномены могут охватываться теорией инвариантности?	22
2. Частные проблемы теории инвариантности	23
3. Отдельные опыты поиска инвариантов; разброс мнений об инварианте	25
4. Сильная и слабая ипостаси инварианта	35
5. Материалы к инвариантному описанию лексических значений	35
6. О природе семантического инварианта грамматического значения	44
7. Вопрос о проявлении инварианта в особой синтаксической и лексической обстановке	48
8. О семантическом метаязыке	49
8.1. Вопрос о статусе естественного языка в роли собствен- ного метаязыка	50
8.2. Вопрос о субституции как основном способе верифика- ции толкований	57
Примечания	61
Глава II. КРИТЕРИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ	69
1. О концепции грамматического как обязательного	70
2. Противопоставление грамматического и неграмматического в языке	80
Отступление. О парадоксах лингвистических понятий и терминологии	81
3. Языковой материал	84
4. Возможная стратегия экспликации понятий словоизменения и словообразования	91

Эвристические критерии противопоставления грамматического и лексического в языке	94
А. Основной перечень критериев	94
Б. Дополнительный перечень критериев	104
Примечания	107
ГЛАВА III. ОЧЕРК СИСТЕМЫ РУССКОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ:	
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ	112
1. Словоизменительные категории и значения	112
2. Словоизменительные значения существительного	114
3. Словоизменительные значения прилагательного	116
3.1. Атрибутивность	116
3.2. Число, падеж, род, одушевленность	116
3.3. Квазиграммема сравнительной степени (компаратива)	117
4. Словоизменительные значения наречия	118
5. Словоизменительные значения числительного	118
6. Словоизменительные значения глагола	118
6.1. Репрезентация	118
6.2. Вид	119
6.2.1. Об установлении видовой принадлежности русского глагола и о двувидовых глаголах	119
6.2.2. О функциональном критерии видовой коррелятивности	124
6.2.3. Русский вид: словоизменение или словообразование?	128
6.2.4. Префиксальная перфективация	139
6.2.5. К вопросу об инвариантах видовых граммем	142
6.3. Залог. Возвратность	144
6.4. Наклонение	146
6.5. Глагольное время. О двух способах описания русской видовременной системы	147
6.6. Число, лицо, род	152
6.7. Квазиграммема 'побуждение к совместному действию'	153
6.8. Квазиграммема 'фамилярное побуждение'	154
7. Пограничные явления (словоизменение или словообразование?)	160
7.1. Отадъективные наречия	160
7.2. Аттenuативная сравнительная степень	161
7.3. Словоформы с префиксальным отрицанием (СПО). Феномен словообразования «от части парадигмы»	161
8. О возможности квазиграммемной трактовки некоторых грамматических явлений в русском языке	163
Примечания	165

Глава IV. ИНВАРИАНТЫ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММЕМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО	171
1. Инварианты граммем числа существительного	171
2. Непрямые значения единственного числа	173
3. Коннотации инвариантов числовых граммем и непрямы значения множественного числа	173
4. Интерпретация числа у <i>pluralia tantum</i>	181
Примечания	183
Глава V. ИНВАРИАНТЫ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММЕМ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	185
1. Временные ориентиры глагольной ситуации	185
2. Инварианты граммем глагольного времени	192
Отступление. О нарративном режиме интерпретации глагольного времени	194
3. Непрямые значения глагольных времен	196
4. О шифтерном статусе русского глагольного времени	215
Примечания	216
Глава VI. ИНВАРИАНТ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРАТИВА	221
1. Инвариант императива	221
2. Синтаксическая или лексическая обусловленность интерпре- тации императива	230
3. Непрямые значения императива	231
Примечания	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
1. О лингвистической эвристике	245
2. Основные выводы и результаты работы	246
ЛИТЕРАТУРА	251
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	275

Инвариантность — это неизменность среди изменения, постоянство в мире непрерывной смены, сохранение конфигураций, остающихся одними и теми же, несмотря на водоворот и давление неисчислимых множеств причудливых трансформаций.

Э. Т. Белл [1945] (цит. по [Shaumyan 1998])

Решающая процедура научного исследования различных уровней языковой структуры состоит в последовательном выявлении и идентификации относительных инвариантов из всего многообразия вариаций. (...) постоянное, всеобъемлющее, исполненное глубокого смысла взаимодействие инвариантов и вариантов оказывается существенным, сокровенным свойством языка на всех его уровнях.

Р. О. Якобсон [1985в: 310]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из заглавия книги ясно, что ключевым в ней является понятие ИНВАРИАНТА языковой единицы, и поэтому есть смысл в самом начале эскизно изложить общее представление автора о сущности и применимости этого понятия.

Естественный язык пронизан неоднозначностью и полифункциональностью на всех уровнях. Один и тот же звук (например, [т]) может соотноситься с разными единицами морфонологического уровня (морфемами ⟨т⟩ или ⟨д⟩ в словоформах *кот* и *код* соответственно); одна и та же фонемная цепочка (например, /код/ или /у/) может выступать в качестве означающего разных знаков (соответственно — основ в словоформах *кодом* и *кодой* или окончаний в словоформах *столу*, *пургу*, *кричу*); одна и та же совокупность фонемных цепочек, понимаемых как означающие словоформ (например, множество {/стапа́/, /стапы́/, /стап'е́/, ..., /сто́пы/, ..., /сто́пах/}), может «обслуживать» разные единицы словаря (СТОПА 'часть ноги' vs. СТОПА 'единица стиха'); одна и та же поверхностная синтаксическая конструкция — например, конструкция «подлежащее + сказуемое» — может выражать разные семантические отношения: «агенса + действие» — *Отец рубит дрова*; «пациенса + действие» — *Дом строится рабочими*; «носитель состояния + состояние» — *Мальчик спит*; «объект чувства или отношения + чувство или отношение» — *Этот напев мне нравится*; и др. К этому перечню можно добавить и менее очевидные случаи: некоторая морфологическая единица (например, *-ник*) может рассматриваться как совокупность разных знаков — полисемичных суффиксов, но допускает и объединение последних с точки зрения возможного сходства их означаемых (подкрепленного тождеством означающих); некоторое грамматическое значение (например, значение настоящего времени русского глагола) может соотноситься с целым спектром разных содержательных интерпретаций, среди которых синхронность с моментом речи (*Смотри: Илья идет*), или перенос в прошлое, изображаемое наглядно-ярко (*Вчера вижу: Илья идет*), или запланированное будущее действие (*Завтра Илья идет на концерт*), или внешне «вневременное» описание положения вещей (*Этот цвет ему идет; Лошади едят овес*). В такого рода случаях, когда мы сталкиваемся с неоднозначностью грамме-мы, естественнее говорить не о полисемии единицы (это свойство двусторонних единиц, грамма же в настоящей работе трактуется как односторонняя единица), а о полифункциональности; впрочем, в дальнейшем

изложении мы не будем строго придерживаться намеченного разграничения.

Языковая неоднозначность может и не быть связанной с отдельной языковой единицей (как во всех предшествующих случаях); она может проявляться на отрезке текста, выходящем за пределы словоформы. Таковы синтаксическая неоднозначность (при установлении синтаксических связей между словоформами), анафорическая неоднозначность (неоднозначное соотнесение местоимения и его возможного antecedента), неоднозначность просодического контура фразы (одна и та же интонационная конструкция может соответствовать разным содержаниям, например, восходящая интонация определенного рода может обслуживать вопрос или удивление).

Встает естественный вопрос о способе описания неоднозначных единиц. Для одних единиц общность означающего их разных «манифестаций» носит очевидным образом случайный характер (если принимать во внимание только синхронию), и их необходимо описывать как омонимы (таковы, например, упомянутые выше омонимичные окончания *-y*). Другие единицы, помимо тождества внешней стороны, обнаруживают и некоторую содержательную общность, ощущаемую носителями языка. В таких случаях говорят о полисемичных единицах.

Понятие инварианта, разумеется, касается только единиц полисемичных или полифункциональных. Под инвариантом каждой такой единицы автор понимает общее содержание, объединяющее разные интерпретации соответствующей единицы или соответствующего значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах; это общее содержание в какой-то мере осознается носителями языка. Инварианты языковых единиц, а также их частные интерпретации, могут быть отражены (постулированы) в определенных научных конструктах.

Автор не настаивает на том, что во всех случаях полисемии или полифункциональности непременно имеет место семантическая инвариантность языковой единицы (хотя внутреннее, «донаучное», ощущение носителя языка склоняет автора к убеждению, что в большинстве своем полисемичные единицы языка инвариантны). Пафос настоящей книги в ином. Он состоит в демонстрации объяснительной силы инвариантного подхода к описанию плана содержания в языке. Автор надеется, что многие читатели, скептически относящиеся к семантическим инвариантам или еще не определившиеся, прочитав эту книгу, изменят свое отношение на благоприятное.

После публикации статьи [Перцов 1996], содержащей критику некоторых популярных в современной семантике концепций и, в частности, отстаивающей плодотворность инвариантной установки при описании лексических значений, у некоторых коллег сложилось впечатление, что я

являюсь «противником атомарного задания лексических значений, установки на дробление этих значений» [Санников 1999: 181]. Мне хотелось бы разъяснить свою позицию по этому поводу.

Я ни в коей мере не отрицаю наличие разных значений у полисемичной единицы. Если под атомарным подходом понимать выделение частных значений, то я никоим образом не являюсь его противником. Но если атомарный подход ограничивается вычленением частных значений, если он игнорирует то обстоятельство, что многие единицы обнаруживают общность, которая, будучи несводимой к локальным связям между значениями или к правилам перехода от одного значения к другому, панорамно и глобально связывает все частные значения, отражается в языковой интуиции, в языковой игре, в поэтическом употреблении языковых единиц, — то научный ригоризм ТАКОГО атомарного подхода на современном этапе науки о языке вызывает у меня критическое отношение, если не сказать отторжение, ибо я убежден, что семантическая общность многозначных единиц языка должна быть явно отражена в описании как некая ЕДИНАЯ СУЩНОСТЬ, а не как набор локальных связей или правил.

Конечно, при любой установке необходимо рассматривать частные значения полисемичной единицы, ибо одно лишь «укрупнение» значений слов неизбежно привело бы к огрублению семантического описания, игнорированию важных компонентов смысла» [Санников 1999: 181–182]. При поиске лексических инвариантов я использую лексикографические описания «атомщиков» (выражение В. З. Санникова). Однако я никак не могу согласиться с В. З. Санниковым в том, что «речь, в сущности, идет не о принципиально различных подходах, а об акцентах», и что, используя в своих поисках инварианта глагола *выйти / выходить* его лексикографический портрет, предложенный Ю. Д. Апресяном [1995и], я меняю «лишь акценты в описании богатого фактического материала, приводимого Апресяном» [Санников 1999: 182]. Говорить о смещении акцентов было бы уместно в том случае, если бы в упомянутом лексикографическом портрете, наряду с частными значениями глагола, был бы как-то задан и сам инвариант, если бы была по крайней мере упомянута проблема поиска такого инварианта. Однако этого в описании Ю. Д. Апресяна нет; в его комментариях, предваряющих словарную статью, просматриваются лишь контуры инварианта [Перцов 1996: 41]; при этом в самом описании не соблюдены даже налагаемые на себя «атомщиками» требования обеспечения локальной связанности частных значений (подробнее см. гл. I, разд. 5).

Учет частных значений необходим, но НЕ ДОСТАТОЧЕН. «Атомщики», нередко соглашаясь с «полезностью инварианта» [Санников 1999: 181] для вокабулы — словарной единицы, охватывающей разные лексические значения, — в своей реальной лексикографической практике почти никогда не стремятся его выявить, удовлетворяясь лишь группировкой значений, от-

ражающих их близость, и установлением связей между значениями — либо посредством нетривиальных семантических компонентов в толковании значений («семантических мостов» в теории «Смысл \leftrightarrow Текст» [Mel'čuk et al. 1995] и в Московской семантической школе [Апресян 1999б: 636]), либо посредством моделей «семантической деривации», как у Е. В. Падучевой [1998б, в]. В первом случае для отображения семантической общности вариантов в составе вокабулы требуется наличие у произвольных ее членов общего нетривиального семантического компонента («семантического моста») или цепочки промежуточных членов, в которой смежные звенья связаны «семантическими мостами». Во втором случае вводятся правила вывода одного значения из другого, которые задают общность значений полисемичной единицы. Поскольку при такого рода подходах для установления единства членов одной вокабулы вполне достаточно наличия цепочки связей у произвольной пары таких членов, эти подходы в рабочем порядке уместнее называть «цепочечными» (или «атомарно-цепочечными»), нежели «атомарными».

В отличие от (атомарно-)цепочечных подходов, инвариантный подход, как его понимает автор настоящей работы, предполагает совершенно другой способ установления семантического единства слова. При инвариантном описании полисемичной единицы естественно брать за основу атомарно-цепочечное описание, осуществленное другим автором (с обоснованными поправками, если нужно), либо иметь по меньшей мере набросок такого описания. Очевидно, что без анализа частных употреблений, частных значений и их компактной и четкой подачи никакой адекватный инвариант сформулировать невозможно. Одного этого уже достаточно, чтобы понять, что цепочечный подход никоим образом не отменяется инвариантным: оба они отражают важные аспекты строения полисемичных единиц. Цепочечный подход отображает множественность интерпретаций единицы и их локальные семантические связи, инвариантный устанавливает их общность — в тех случаях, когда такая общность действительно существует. Цепочечный подход нацелен скорее на выявление деталей, инвариантный — на выявление единства. И то и другое нужно для познания природы языковой неоднозначности.

Однако, на мой взгляд, неприятности, проистекающие от увлечения атомарно-цепочечным подходом, неизмеримо серьезнее, нежели недостатки такого инвариантного описания, которое не поддержано скрупулезной инвентаризацией частных употреблений языковой единицы. Мне уже приходилось указывать [Перцов 1996], в какие дебри могут завести дробные, механистичные лексикографические описания, лишенные контроля со стороны общего, панорамного взгляда на слово. Авторы таких описаний за деревьями частных значений нередко не видят леса — скрепляющего их инварианта; подчас некоторые значения у них остаются одиночными, изолированными, не связанными с основной цепочкой. При излишней дробно-

сти значений представляемый таким образом материал бывает непросто использовать для извлечения соответствующего инварианта: возникает ситуация «*embarras de richesses*» — затруднения от избытка.

Напомню, что при инвариантном подходе речь не идет о случаях омонимии или такой диахронически мотивированной полисемии, классическим примером которой может служить полисемия слова *левый* [Апресян 1974: 182] — в значениях пространственных (*левая рука, сторона* и т. п.), в «политическом» («радикальный») и в просторечном («незаконный») смысле. Для случаев последнего типа я пока не вижу других способов отражения общности частных значений, кроме цепочечного подхода. Но в очень большом числе случаев, когда цепочечный подход останавливается на фиксации пошагово связанной совокупности частных значений, автор настоящей работы склонен усматривать глубинную общность этих последних; эту общность и призван отражать инвариант, постулируемый для соответствующей вокабулы. (Реальные примеры таких лексических инвариантов, не распознаваемых при цепочечном подходе, читатель найдет в разделе 5 главы I.)

При изучении содержания полисемичной единицы автору представляется оптимальной стратегия сочетания панорамно-инвариантного и частного-локального взгляда. Опыт, вынесенный автором из описания конкретных лексических и грамматических значений в языке, свидетельствует, что на начальной стадии исследования целесообразно формирование и фиксация предварительного представления об инварианте — с последующим рассмотрением частных употреблений единицы и ее значений, что, как правило, приводит к коррекции инварианта. Скорректированный инвариант иногда требует изменений в составе и трактовке частных значений. Приоритеты и последовательность операций могут быть иными — существенно взаимодействие и взаимовлияние инвариантного и локального направлений описания, своего рода «челночное» движение между общим и частным. Игнорирование инварианта и сосредоточенность на локальных значениях приводит к затемнению реальной картины.

Данная книга, однако, нацелена не на лексические инварианты, а на инварианты полифункциональных грамматических единиц, а именно на инварианты грамем в сфере русского словоизменения. Автор не может и не хочет скрыть от читателя свою убежденность, что, в отличие от лексических и от двусторонних морфологических единиц, для которых вполне нормален феномен омонимии, в словоизменительной морфологии любая односторонняя единица — грамма (и квазиграмма — см. гл. II, разд. 3) — ДОЛЖНА обладать семантическим инвариантом по самой своей природе, коль скоро она является семантически (а не синтаксически) ориентированной. Таковы в разных языках словоизменительные значения